

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-97-102

ГНАТЮК Максим Александрович,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия
ippk2014@yandex.ru

GNATYUK Maksim A.,
Adygei State University, Maikop, Russia
ippk2014@yandex.ru

ПЕЧКУРОВ Илья Васильевич,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия
i.pechkurov@gmail.com

PECHKUROV Ilya V.,
Adygei State University, Maikop, Russia
i.pechkurov@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

KEY RISKS OF LABOR VALUES TRANSFORMATION OF RUSSIAN YOUTH AND ITS SOCIAL CONSEQUENCES

Ключевой тенденцией в области трансформации трудовых ценностей молодежи становится постепенная деэвальвация духовно-нравственной составляющей ценности труда при закреплении ее прагматической и преимущественно материально ориентированной составляющей, что способствует формированию рисков депрофессионализации российской молодежи.

Для современной России данная проблема также становится чрезвычайно актуальной, так как значительную часть рынка труда составляет теневой сектор, а также та часть молодежи, которая в поисках более высокой оплаты труда не хочет связывать себя постоянным местом работы, которая достаточно мобильна и готова переехать в другой город и даже в другую страну при наличии выгодных перспектив заработка. Исходя из анализа трудовых ценностей молодежи, условий их формирования и изменения в современных условиях рынка труда в России, можно констатировать, что ключевыми тенденциями в области трансформации трудовых ценностей российской молодежи выступают такие, как прагматизация, инструментализация, дегуманизация. Российская молодежь словно зеркало, в котором отражается весьма неприглядный образ всего российского общества на современном этапе. Становление ее трудовых ценностей происходит в наполненной социальными рисками среде, что обуславливает рискогенность вектора трансформации трудовых ценностей молодежи. При этом декларативный характер принципов равенства возможностей и шансов для реализации молодежи ее субъектности в профессионально-трудовой сфере в условиях сложившейся системы социального неравенства и свободного, нерегулируемого рынка труда определяет вектор трансформации трудовых ценностей российской молодежи. Именно анализу данной проблемы и посвящена данная статья.

The key trend in labor values transformation of youth is gradual devaluation of the spiritual and moral values of the labor component while fixing pragmatic and primarily financially oriented component that contributes to the formation of risks of Russian youth deprofessionalization. For the modern Russia, this problem is also becoming increasingly relevant, since the informal sector is a significant portion of the labor market, and the part of the young people who in search of higher pay does not want to tie themselves a permanent place of work, they are quite mobile and ready to move to another city and even in other countries with the prospects of favorable earnings. Based on the analysis of labor values of youth, the conditions of their formation and changes in the current state of the labor market in Russia, we can say that the key trends in labor values transformation of Russian youth are such as pragmatism, instrumentalization, dehumanization. Russian youth like a mirror, which reflects the extremely unattractive image of the whole of Russian society at the present stage. Becoming of the work values occurs in risk-filled social environment that causes risk-taking transformation vector of labor values of youth. The declarative principles of equal opportunities and chances for the realization of subjectivity of youth in unregulated vocational and labor market in the existing system of social inequality and a freedom have determined labor values transformation of the Russian youth. This article analyzes this problem.

Ключевые слова: молодежь, ценности молодежи, трудовые ценности, риски, депрофессионализация, дегуманизация, прагматизация трудовых ценностей, трансформация трудовых ценностей.

Keywords: youth, youth values, work values, deprofessionalization risks, dehumanization, pragmatism of labor values, labor values transformation

Молодежь – это самый значимый на современном этапе индикатор перемен. Именно ей в недалеком будущем предстоит определять облик российского общества, а потому принципиально важно понимать, в каком направлении развивается наше молодое поколение, каким является его ценностный мир, как оно относится к жизненно важным ценностям, что значит для него труд.

Исходя из анализа трудовых ценностей молодежи, условий их формирования и изменения в современном состоянии рынка труда в России, можно констатировать, что ключевыми тенденциями в области трансформации трудовых ценностей российской молодежи выступают такие, как прагматизация, инструментализация, дегуманизация. Прагматизация и инструментализация трудовых ценностей молодежи определяются повышенным значением факторов внешней мотивации в труде, связанных с ориентацией на высокую оплату труда и получение материальный преференций в первую очередь [1, л. 210], то есть наблюдается разрушение традиционной этики труда и трудовых отношений российского общества, которая основывалась

на приоритете духовных ценностей в системе трудовых ценностей или как минимум гармоничном сочетании духовных и материальных ценностей.

Разрушение традиционной трудовой этики и исчезновение морально-нравственной составляющей в ней при этом, если отталкиваться от мнения российских исследователей, с которым мы полностью солидарны, не приводит к формированию новой современной этики труда россиян, что, по их мнению, делает призрачными перспективы России на экономический и модернизационный прорыв [2, л. 122].

У молодых россиян постепенно снижается интерес к ценности интересной работы и формируется названный Н.Е. Тихоновой «отчужденный труд», в котором отсутствует четко выраженная связь между выполненной работой и полученным за нее вознаграждением, что не может не вызывать сдвигов к сугубо инструментальному отношению к труду и восприятию его через призму приносимой им материальной выгоды [3, л. 17]. Количество молодежи, считающей «работу по душе» основной терминальной ценностью, согласно результатам исследования других российских исследователей, сократилось в два раза, как и количество тех, кто выражает стремление быть полезным обществу, но зато в два раза поднялась ценность заработка [4, л. 124].

Н.Н. Зарубина приходит к кардинальному выводу о том, что при разрушении этики служения этика ответственности в новой модели труда в России не сформировалась, а российская молодежь демонстрирует внушающие серьезные опасения антиморальные убеждения, считая морально приемлемым практику сознательного обмана для достижения собственных целей, что противоречит этике ответственности, в соответствии с которой индивид несет индивидуальную ответственность за принимаемые решения нравственного характера [5, л. 98].

Е.Л. Омельченко совершенно точно замечает, что современная молодежь тяготеет к связям необременительного характера при минимальной ответственности, что в трудовой сфере проявляется в предпочтении высокооплачиваемой работы по контракту с высокими социальными гарантиями [6, л. 19]. Одним словом, приходит к выводу Н.Н. Зарубина, в отношении культурно-нравственных установок российской молодежи произошел серьезный сдвиг в направлении усиления прагматических мотивов и инструментальных ценностей, что говорит о разрушении этики убеждения, в рамках которой акцент делался на ценностях служения обществу, но формирования этики ответственности так и не произошло, а отсюда проблемы нравственной дезориентации и роста социальной безответственности в молодежной среде становятся проблемами первостепенной важности для современной России [7, л. 102, 106].

Трудовой подвиг на благо Родины как образец жизни, как образец для подражания практически не фигурирует в современном российском искусстве, да и в реальности этот подвиг можно встретить не так часто. Нормой труда, как пишет Л.А. Семенова, становится обыденный труд для благополучия индивида и его семьи [8, л. 99].

Российская молодежь словно зеркало, в котором отражается весьма неприглядный образ всего российского общества на современном этапе. Становление ее трудовых ценностей происходит в наполненной социальными рисками среде, что обуславливает рискогенность вектора трансформации трудовых ценностей молодежи и проявляется в следующих рисках:

- риски депрофессионализации молодежи, вызываемые рядом причин: высокий процент молодежи, трудовая деятельность которой не связана с полученной специальностью; приоритет внешней мотивации (материальной), которая при отсутствии внутренней (духовной) разрушает профессиональное «Я» личности и мотивы профессионального роста и самоутверждения в профессии;

- риски дегуманизации молодежи, поскольку дегуманизация трудовых ценностей приводит к дегуманизации трудовой деятельности, в которой индивид проводит большую часть своего жизненного времени и через которую реализуются самые различные типы и виды социальных отношений и связей, что в комплексе позволяет сделать вывод о том, что дегуманизация трудовых ценностей – это прямой путь к дегуманизации самой молодежи;

- риски эгоизации и духовной деградации молодежи, поскольку отсутствие социальной направленности, ориентированности и ответственности в отношении к труду современной российской молодежи говорит о формировании и распространении в ее среде индивидуального эгоизма, на основе которого повысить уровень солидарности и консолидации в стране невозможно, а именно факторы дезинтеграции и деконсолидации российского общества выступают определяющими его кризисное состояние и перспективы выхода из него;

- риски социальной эксклюзии как результат дезадаптации на рынке труда и, соответственно, отсутствия доступа к жизненно необходимым благам и ресурсам (образование, досуг, отдых, медицинские и иные услуги, создание семьи и т.д.).

Ф.М. Бородкин обращает внимание на то, что в состоянии социальной эксклюзии человек может оказаться и по собственной вине, то есть независимо от социальных причин, и такой

процесс можно называть самоэксклюзией, которая может стать, к примеру, результатом отказа индивида от активного поиска работы при ее длительном отсутствии, бедности и изолированности от привычного культурного окружения [9, л. 7]. Однако в любом случае, независимо от характера причин, вызвавших социальную эксклюзию, людей, оказавшихся в подобном состоянии, уместно, по мнению этого исследователя, называть «жертвами» социальной эксклюзии. На наш взгляд, таких жертв сегодня в России, в том числе среди молодежи, больше, чем допустимо при нормальном функционировании социальной системы и для ее эффективного существования и развития, поскольку значительный слой людей, не нашедших себя в сложившейся системе социальных отношений и связей, потенциально представляет угрозу для социального порядка.

С явлением социальной эксклюзии тесно связан еще один феномен, начинающий распространяться в современном обществе, в том числе и в российском. Речь идет о прекариате – новой стратификационной группе, которую в странах ЕС и США называют не иначе как «опасным классом», хотя, как отмечают З.Т. Голенкова и Ю.В. Голиусова, данное понятие следует трактовать в более широком контексте, не ограничивая его нестабильным пролетариатом, так как в данную группу входят индивиды, которые, независимо от размера их дохода, уровня образования, характера самоидентификации и других параметров, не имеют формальной занятости, стабильного положения на рынке труда и гарантии занятости [10, л. 6].

Чем опасен этот класс людей, если он вообще опасен? Можно ли рассматривать в качестве факторов, угрожающих обществу, наличие в нем достаточно большой группы людей, не имеющих постоянного места работы, постоянных источников доходов (хотя уровень доходов в данной группе людей значительно дифференцируется), не вписывающихся ни в одну из имеющихся социоструктурных систем и занимающих маргинальное положение в стратификационной системе, ничем не связанных, а потому относящихся к тем, кому «нечего терять»? Конечно же, с таким набором характеристик прекариат вызывает страх у простых обывателей и опасения у властных структур, поскольку ничем не связанные люди потенциально выступают источником социальных бунтов и возмущений, независимо от того, какой режим установлен в данном обществе.

Мы неспроста приводим информацию о таком классе, как прекариат, поскольку и в современной России этот феномен имеет место и связан с достаточно большим количеством молодежи (около 30%), не имеющей постоянной и устойчивой занятости, то есть это молодежь с неустойчивой занятостью [11, л. 7], при всем том, что это люди, находящиеся в трудоспособном, очень активном возрасте, в котором и происходит профессиональное становление личности.

Российские исследователи отмечают, что с «прекариатом» как социальной группой тесным образом связаны понятия «прекариации», которое следует рассматривать в контексте прекариации трудовых отношений, и «прекаритет» [12, л. 7-8]. Прекариация трудовых отношений означает, что их расторжение может произойти в любой момент по желанию работодателя, что характерно для условий нерегулируемого рынка труда и трудовых отношений, неэффективного функционирования права и незащищенности социальных гарантий населения.

Прекариат слабо себя идентифицирует с классом профессионалов и профессиональным сообществом, в котором, как пишет Стендинг, даже может находиться, а его потенциальными и реальными претендентами являются женщины, молодежь и пожилые люди [13, л. 10]. Проблема прекариата остро стоит перед Германией, Японией и, надо полагать, перед Россией, в которой значительную часть рынка труда составляет теневой сектор, а также та часть молодежи, которая в поисках более высокой оплаты труда не хочет связывать себя постоянным местом работы, которая достаточно мобильна и готова переехать в другой город и даже в другую страну при наличии выгодных перспектив заработка.

Такая ситуация складывается по причине неблагоприятного развития экономического сектора страны, в которой остановлено масштабное промышленное производство, загублен сектор сельского хозяйства и развивается достаточно быстрыми темпами сектор услуг, в который и идет российская молодежь, независимо от того, в каком направлении ею получена специальность. Очень многие работают на нелегальном основании, не заключая с работодателем трудового договора. Такой формат трудовой занятости достаточно распространен в России и определяет специфику российского прекариата [14, л. 12], а также масштабы трудовой миграции и, что гораздо серьезнее, эмиграции граждан России, среди которых, по подсчетам специалистов, 39% составляют специалисты с высшим образованием (из них 9% – высококвалифицированные инженеры и технологи, 8% – ученые, 5% – бизнесмены и 2% – юристы) [15, л. 60].

Итак, совершенно очевидно, что в современной России происходит формирование класса прекариата и его ресурсной базой выступает молодежь, которая становится «жертвой» со-

циальной эксклюзии, как по объективным (внешним – экономическим, политическим т.д.), так и субъективным (внутренним – самостоятельный выбор жизненной стратегии) причинам.

Таким образом, как видим, труд, выступая важнейшей сферой реализации субъектности молодежи, порождает множество рисков как следствие того рискогенного пространства, которое сложилось сегодня в условиях трансформации российского общества и роста глобализационных влияний.

Если более подробно рассмотреть причины выявленных тенденций в сфере трансформации трудовых ценностей российской молодежи и соответствующих им рисков, то очень точно, на наш взгляд, одну из важнейших причин уловил Т.А. Хагуров. В частности, он обратил внимание на характер проведения досуга молодежью и выяснил, что большую часть в структуре времени молодежи занимают так называемые досуговые занятия – просмотр телевизора, общение со сверстниками, слушание музыки, и только 20–25% молодых людей систематически используют свободное время для саморазвития (чтение книг, занятия спортом, музыкой) [16, л. 162]).

На это обратила внимание и Л.А. Семенова, которой в ходе исследования досуга школьников и студентов было обнаружено, что для них в большей степени характерны пассивные, неразвивающие формы проведения досуга: большинство опрошенной молодежи предпочитает проводить свободное время в общении с друзьями, сидеть за компьютером, смотреть телевизор, слушать музыку, в то время как чтением художественной литературы молодежь себя особенно не обременяет, как и занятиями хобби и спортом [17, л. 99].

На данном основании вполне закономерным выглядит вывод Т.А. Хагурова о необходимости использования в воспитании подростков и молодежи механизмов их вовлечения в продуктивные виды проведения свободного времени, так как бесцельное времяпровождение является источником развития девиантного сознания и поведения, совершения противоправных поступков [18, л. 163].

Э. Фромм заметил в своем знаменитом труде, что отсутствие жестких нормативных ограничений в обществе не обязательно приводит к его прогрессивному развитию, поскольку нормативные ограничения определяют вектор социокультурного развития, а в условиях их отсутствия формируется пространство неопределенности [19, л. 38], в котором процветают цинизм, нравственный релятивизм, индивидуальный эгоизм. Стоит задуматься над тем, что в обществе должны быть четкие представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

Таким образом, можно сделать следующие важные выводы. Именно декларативный характер принципов равенства возможностей и шансов для реализации молодежью ее субъектности в профессионально-трудовой сфере в условиях сложившейся системы социального неравенства и свободного, нерегулируемого рынка труда определяет вектор трансформации трудовых ценностей российской молодежи. Другими словами, в России на институциональном уровне закрепляется несоответствие формальных норм и ценностей в сфере трудовых отношений реальной ситуации, и в обозначенных условиях ключевой тенденцией в области трансформации трудовых ценностей молодежи становится постепенная девальвация духовно-нравственной составляющей ценности труда при закреплении ее прагматической и преимущественно материально ориентированной составляющей, что способствует инструментализации трудовых ценностей молодых россиян.

Данная тенденция соответствует мировым ценностным стандартам в сфере развития труда и трудовых отношений, но для российского общества это означает переход к иной трудовой этике, эффективная реализация которой в современном российском обществе с кризисным характером функционирования его экономических институтов, системы социальной мобильности и сохраняющимися архетипами в отношении к труду достаточно сложна. В итоге формируется ситуация, когда при разрушении традиционной этики труда и трудовых отношений новая этика труда не формируется, и, соответственно, в результате этого наблюдается нормативно-ценностная размытость в сфере труда, которая и порождает индивидуализацию, прагматизацию, дегуманизацию трудовых ценностей молодежи. На этом основании мы приходим к выводу о риске депрофессионализации молодежи как результата исчезновения этической составляющей в отношении к труду со стороны молодежи и прекаризации в результате роста нестабильности трудовых отношений в современной России, нерегулируемый характер которых формирует неопределенные, небезопасные и неблагоприятные условия для жизнедеятельности всего российского общества. На смену классу профессионалов при долговременных тенденциях такого рода может прийти прекариат как наиболее адаптированный к условиям нестабильности, неопределенности, отсутствия правовых и социальных гарантий занятости на рынке труда. Проблема прекариата остро стоит перед рядом стран Европы, а также перед Японией.

Для современной России данная проблема также становится чрезвычайно актуальной, так как значительную часть рынка труда составляет теневой сектор, а также та часть молодежи,

которая в поисках более высокой оплаты труда не хочет связывать себя постоянным местом работы, которая достаточно мобильна и готова переехать в другой город и даже в другую страну при наличии выгодных перспектив заработка.

Таким образом, социальной основой этого нарождающегося трудового слоя – прекариата – преимущественно является молодежь, и это не может не вызывать серьезные опасения за будущее молодежи и российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Посухова О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 210.
2. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 122.
3. Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии. – 2013. – № 3. – С. 17 // www.vestnik.isras.ru.
4. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 124.
5. Зарубина Н.Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности? Трансформация нравственной позиции российской молодежи // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 98.
6. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? // Журнал исследований социальной политики. – 2009. Том 4. – № 2. – С. 19.
7. Зарубина Н.Н. Указ. соч. – С. 102, 106.
8. Семенова Л.А. Особенности профессионально-трудового самоопределения молодежи // Вестник Института социологии. – 2011. – № 2. – С. 99 // www.vestnik.isras.ru
9. Бородин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. – 2000. – № 3-4. – С. 7.
10. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 6.
11. Там же. – С. 7.
12. Там же. – С. 7-8.
13. Цит. по: Там же. – С. 10.
14. Там же. – С. 12.
15. Луценко Н.О. «Утечка мозгов»: тенденции и меры по преодолению // Власть. – 2013. – № 8. – С. 60.
16. Хагуров Т.А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник Института социологии. – 2013. – № 7. – С. 162 // www.vestnik.isras.ru
17. Семенова Л.А. Указ. соч. – С. 99 // www.vestnik.isras.ru
18. Хагуров Т.А. Указ. соч. – С. 163 // www.vestnik.isras.ru.
19. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Изид, 2004. – С. 38.

REFERENCES

1. Posukhova O. Social Features of Career Space in the South of Russia. [Sotsiokul'turnye osobennosti kar'ernogo prostanstva Yuga Rossii]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2013. № 2(29). (in Russ)
2. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. Otnosheniye k sotsial'noy real'nosti v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnyy mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva: monografiya. [Attitude to the social reality in the Russian society: social and cultural mechanism of formation and reproduction: a monograph]. Moskva: INFRA-M, 2014. (in Russ)
3. Tikhonova N.E. Dynamics of normative value systems and prospects of Russian modernization project. [Dinamika normativno-tsennostnykh sistem rossiyan i perspektivy modernizatsionnogo proyekta]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2013. № 3. (in Russ)
4. Kazarina-Volshebnyaya E.K., Komissarov I.G., Turchenko V.N. Paradoxes of the transformation of value orientations of the Russian youth. [Paradoksy transformatsii tsennostnykh oriyentatsiy rossiyskoy molodezhi]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2012. № 6. (in Russ)
5. Zarubina N.N. Between the ethics of conviction and ethics of responsibility? The transformation of a moral position of the Russian youth. [Mezhdu etikoy ubezhdeniya i etikoy otvetstvennosti? Transformatsiya нравstvennoy pozitsii rossiyskoy molodezhi]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2013. № 3. (in Russ)
6. Omelchenko E.L. The begging of youth age or death of youth culture? [Nachalo molodezhnoy ery ili smert' molodezhnoy kul'tury?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2009. Volume 4. № 2. (in Russ)
7. Zarubina N.N. Between the ethics of conviction and ethics of responsibility? The transformation of a moral position of the Russian youth. [Mezhdu etikoy ubezhdeniya i etikoy otvetstvennosti? Transformatsiya нравstvennoy pozitsii rossiyskoy molodezhi]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2013. № 3. (in Russ)
8. Semenova L.A. Features of professional self-determination of youth employment. [Osobennosti professional'no-trudovogo samoopredeleniya molodezhi]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2011. № 2. (in Russ)
9. Borodkin F.M. Social exclusion. [Sotsial'nyye eksklyuzii]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2000. № 3/4. (in Russ)

10. Golenkova Z.T., Goliusova Y.V. New social group in stratification systems of modern global society. [Novyye sotsial'nyye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh global'nogo obshchestva]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2013. № 3. (in Russ)
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid
15. Lutsenko N.O. The "brain drain": trends and measures to overcome . [Utechka mozgov]: tendentsii i mery po preodoleniyu]. *Vlast'*. 2013. № 8. (in Russ)
16. Hagurov T.A. Deviation, social control and the risks of growing up in modern Russia. [Deviatsii, sotsial'nyy kontrol' i riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. № 7. (in Russ)
17. Semenova L.A. Features of professional self-determination of youth employment. [Osobennosti professional'no-trudovogo samoopredeleniya molodezhi]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. № 2. (in Russ)
18. Hagurov T.A. Deviation, social control and the risks of growing up in modern Russia. [Deviatsii, sotsial'nyy kontrol' i riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. № 7. (in Russ)
19. Fromm E. Begstvo of svobody. [Escape from freedom]. Moskva: Publishing house "Isis", 2004. (in Russ)

Information about the author

Информация об авторе

Гнатюк Максим Александрович, соискатель,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп, Россия
ippk2014@yandex.ru

Gnatyuk Maksim A., Applicant, Adygei State
University, Maikop, Russia

ippk2014@yandex.ru

Печкуров Илья Васильевич, соискатель, Ады-
гейский государственный университет
г. Майкоп, Россия
i.pechkurov@gmail.com

Pechkurov Ilya V., Applicant, Adygei State Uni-
versity
Maikop, Russia,
i.pechkurov@gmail.com

Получена: 23.12.2015

Received: 23.12.2015

Для цитирования статьи: Гнатюк М.А., Печ-
куров И.В. Ключевые риски трансформации
трудовых ценностей российской молодежи и
их социальные последствия. Краснодар: Исто-
рическая и социально-образовательная
мысль. 2015. Том 7. № 8. с. 97-102.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-97-102

For article citation: Gnatyuk M.A., Pechkurov
I.V. Key risks of labor values transformation of
Russian youth and its social consequences
[Klyuchevye riski transformatsii trudovykh tsen-
nostey rossiyskoy molodezhi i ikh sotsial'nye
posledstviya]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsi-
al'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and So-
cial Educational Ideas. 2015. Tom 7. № 8. Pp.
97-102.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-97-102